

2. Публикации

В.С. Аксенов

Харьков

Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца

Вопрос о религиозных воззрениях народов, входивших в состав Хазарского каганата, в целом слабо освещен в литературе. Немногочисленные отрывочные данные источников по этому вопросу указывают на распространение в каганате в VIII – X вв. христианства, мусульманства, тогда как большая часть населения продолжала придерживаться язычества [Захогер 1962, 165; Артамонов 1962, 411]. Каган и его окружение в то же время исповедовали иудаизм [Ибн-Хаукаль 1908, 108; Артамонов 1962, 327]. Однако, как показали данные археологии, в материалах исследований как бытовых, так и погребальных памятников салтово-маяцкой культуры (даже на территории домена кагана) не найдено ни одного предмета иудейского культа [Магомедов 1983, 173]. Следы мусульманства в последнее время были выявлены на памятниках болгарского варианта салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца. Здесь открыты захоронения «зливкинского» типа середины IX – X вв., совершенные в соответствии с мусульманской погребальной традицией [Копы, Татаринов 1979; Кравченко, Гусев, Давыденко 1998]. С этой точки зрения интересно указание Ибн-Хаукаля, что среди внутренних болгар, занимавших, как считают отдельные специалисты, территорию нижнего и среднего Подонья [Мерперт 1958, 607 – 608], наряду с мусульманами есть и христиане [Гаркави 1870, 218]. Это позволяет надеяться, что все же удастся выявить среди салтовских захоронений бассейна Северского Донца погребения христианского населения Хазарского каганата.

Поэтому стоит обратить внимание на захоронения могильника Червоная Гусаровка, относящиеся к так называемому «зливкинскому» погребальному типу. Могильник Червоная Гусаровка характеризует размещение захоронений четкими рядами, идущими с севера на юг; наличием в рядах достаточно обособленных групп могил (от 3 до 10), содержащих, как правило, погребения взрослых (мужчин, женщин) и малолетних детей. Захоронения размещены достаточно плотно. В среднем на 5,3 кв. м вскрытой площади могильника приходится одно погребение. Захоронения индивидуальны, произведены в неглубоких простых грунтовых ямах, реже в ямах, на дне которых специально прорыто углубление для покойника. Характерно наличие в ямах остатков деревянных гробов-рам, иногда в сочетании с перекрытием из поперечно уложенных деревянных плах. Умершие покоятся в вытянутом положении на спине головой на северо-запад, с прямыми ногами и сложенными на животе, на груди, на тазовых костях руками (иногда одна рука

вытянута вдоль тела). Инвентарь в большинстве захоронений представлен только одним глиняным сосудом, поставленным слева или справа от головы погребенного. Остатки мясной жертвенной пищи отсутствуют, тогда как последняя характерна для «стандартных» захоронений «зливкинского» типа [Плетнева 1999, 78]. Интересно, что на ранних мусульманских могильниках IX – X вв. бассейна Северского Донца умершие покоятся в грунтовых могильных ямах, идентичных по конструкции с могильными ямами некрополя Червоная Гусаровка. Встречены на них и аналогичные червоногусаровским гробы-рамы и перекрытия из уложенных продольно или поперечно деревянных плах [Кравченко, Гусев, Давыденко 1998, рис. 2.1, 4.4, 5.1.2, 6.4, 7.1, 8.3]. Близкие по конструкции могильные ямы — яма с прямыми стенками, в нижней части которой вырыта узкая погребальная камера, окруженная материковым останцем (вдоль длинных, а иногда и вдоль коротких стенок таким образом оставались ступеньки-запечки) — встречаются в ингумационных захоронениях черняховской культуры, как с северной, так и с западной ориентировкой умерших [Никитина 1985, 48, 49].

В 66 из 177 вскрытых захоронений погребальный инвентарь был представлен крымским керамическим импортом, а еще в 4 погребениях были найдены стеклянные сосуды, вероятно, также крымского производства [Аксенов, Михеев 1998, 344, рис. 2]. В остальных захоронениях инвентарь представлен салтовскими кружечками или лепными сосудами кочевнических типов [Михеев 1994, 197]. В редких случаях погребенных сопровождает немногочисленный погребальный инвентарь, представленный в основном элементами одежды (пуговицы, принадлежности поясного ремня) или личными украшениями (серьги, перстни, бусы, браслеты) [Аксенов, Михеев 1998, рис. 4]. В двух детских захоронениях (№ 144, 159) были обнаружены подвески, которые с большой долей вероятности можно трактовать как факт знакомства населения, оставившего данный могильник, с христианской религией. По инвентарю могильник Червоная Гусаровка датируется второй половиной VIII — началом IX вв.

В захоронении № 144 на правой руке ребенка был обнаружен сложносоставной браслет, состоящий из двух бронзовых литых бубенчиков, шести бронзовых спиралевидных пронизей, одной крупной черной глазчатой бусины и бронзовой литой крестовидной подвески. Подвеска размером 3,4x3,7 см представляет собой равноконечный крест, концы которого оформлены в виде окружностей диаметром 0,8 см, в одной из которых проделано отверстие для подвешивания. Остальные концы подвески украшены солярным орнаментом. Середина крестовидной подвески украшена орнаментом в виде ромба с кругом посередине (рис. 1, 1).

В захоронении № 159 в области грудной клетки погребенного ребенка было зафиксировано ожерелье, состоящее из 33 стеклянных бусин и 2 бронзовых литых солярных амулетов. Несколько выше, в области шеи, была найдена привеска в виде равноконечного креста, размером 3,0x2,6 см. Привеска изготовлена из двух тонких бронзовых пластинок, скрепленных между собой бронзовой заклепкой. Концы привески несколько расширены и имеют по небольшому пластинчатому выступу, которые согнуты в трубочки и таким образом образуют четыре петельки (рис. 1, 2). Благодаря этим петелькам привеска крепилась к одежде погребенной.

Из двух вышеописанных предметов только привеску из погребения №144 можно считать аналогом нательного креста. На это указывает ее место обнаружения на костяке, то есть в том месте, где в христианских погребениях находили нательные кресты. Необычным в данном случае является лишь способ ношения креста — прикрепление его к одежде. Вероятно, в данном случае символ христианской веры одновременно мог играть роль и своеобразного амулета-оберега. Такая ситуация вполне допустима в условиях, когда за приоритет в обществе ведется борьба между несколькими мировоззрениями. Именно такая ситуация и существовала в Хазарском каганате, где в обществе наряду с язычниками существовали представители христианства, мусульманства и иудейства. Однако ни одна из этих религиозных систем не стала преобладающей в стране. Амулетом-оберегом, по-видимому, служила крестовидная подвеска из погребения №144. Как показывают данные археологии, кресты, иногда по несколько штук, подвешивались к ожерелью, входили в наборы амулетов, где каждая вещь имела далекую от христианства символику [Мильков 1987, рис. 37 — 39; Мальм 1968, 116; Фехнер 1968, 212]. Но в обоих случаях выбор формы подвески, вероятно, был случаен. Как считает ряд исследователей, «...христианские символы могут соединяться с языческими, и притом, как надо думать, не в целях только украшения» [Анучин 1900, 85]. Данные археологии, как и письменные источники, показывают, что, например, на Руси даже в середине XIII — начале XVI вв. характерно присутствие крестов и иконок в составе ожерелья [Беленькая 1976, 95], а нательные кресты вырезались из арабских серебряных дирхемов [Негошвина 1983, 223, рис. 1, 6]. Показательны случаи, когда языческие солярные амулеты преднамеренно ломались и таким образом превращались в изображения креста Господня [Каганатвази 1861, 205; Ковалевская 1995, 127, рис. 1, 23].

Размещение погребений довольно четкими рядами, небольшая глубина могильных ям, западная ориентировка, положение рук погребенных на груди или животе, минимальный состав погребального инвентаря, который в большинстве случаев представлен одним глиняным сосудом, отсутствие остатков мясной жертвенной пищи — все это позволяет нам, с определенной долей вероятности, считать данные захоронения христианскими. Существенным в этом случае является положение рук погребенных. Как уже отмечалось, в большинстве захоронений руки у погребенных были сложены на груди или животе. Именно такое положение рук характерно для христианских погребений средневековой Руси [Кучкин 1967, 292], Кавказа [Милорагович 1963, 101]. Многочисленные аналогии находят захоронения могильника Червоная Гусаровка в христианских погребениях тюрко-болгар Крыма [Майко, Фарбей 1995]. Объяснимы и те случаи, отмеченные на могильнике Червоная Гусаровка, когда одна из рук погребенных покоится на груди или животе, а вторая согнута в локте так, что ее кисть располагается у подбородка. Смещение руки с первоначального места в этом случае могло произойти в результате разложения тела, как это имело место, например, в захоронении Ивана Грозного, князя М.В. Скопина-Шуйского [Панова 1987, 119]. Вытянутые же вдоль тела руки (часть захоронений могильника Червоная Гусаровка) являются, вероятно, данью языческому погребальному обряду. Именно с протянутыми вдоль бедер руками был похоронен Олег Свято-

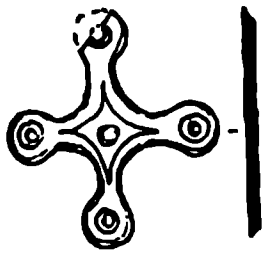

Рис. 1

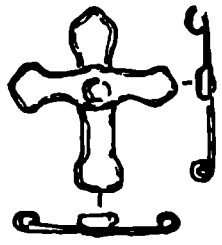

Рис. 2

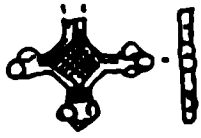

Рис. 3

Рис. 4

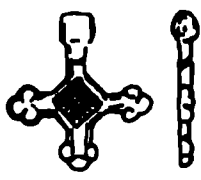

Рис. 5

славич (977 г.), брат Владимира — крестителя Руси, ибо он остался язычником [Кучкин 1967, 293].

Интересен с этой точки зрения и вопрос наличия в захоронениях могильника Червоная Гусаровка у голов погребенных по одному сосуду. В этом они подобны захоронениям черняховской культуры с западной ориентировкой (тип 2 и тип 4 по классификации Г.Ф. Никитиной) [Никитина 1993, 154 — 155]. При этом как в черняховских захоронениях с западной ориентировкой, так и в большинстве погребений могильника Червоная Гусаровка керамика представлена сосудами для жидкости (кувшины, кружки/кубки, стеклянные сосуды), что указывает на наличие у оставившего их населения определенного ритуала, связанного с какими-то возлияниями [Никитина 1993, 157]. Наличие захоронений с западной ориентировкой большинством исследователей объясняется распространением среди черняховских племен христианского учения. Примечательно, что в захоронении Ивана Грозного, царевичей Ивана и Федора, совершенных в соответствии с канонами средневекового христианского погребального обряда, также присутствовали сосуды для жидкости [Панова 1987, рис. 6]. Предположительно они использовались для елея, остатки которого после отпевания помещались в погребения [Панова 1987, 120].

Таким образом, можно говорить о знакомстве рядового болгарского населения бассейна Северского Донца во второй половине VIII — начале IX в. с христианским учением, которое переплеталось и мирно сосуществовало с языческим мировоззрением. О таком положении дел свидетельствует сохранение явно языческих элементов в погребальном обряде болгарского населения, а также двойственная природа креста как основной христианской святыни, с одной стороны, и как древнего языческого символа — с другой.

По-видимому, похожая ситуация сложилась и в среде аланского населения салтовской культуры. Разнообразные подвески-амулеты характерны для женских и детских погребений аланского населения Северского Донца [Плетнева 1989, 96 — 100; Афанасьев 1993, табл. 36]. В то же время подвески-амулеты в виде креста являются редчайшей категорией находок для катакомбных захоронений салтово-маяцкой культуры. Так, крестовидные подвески (2 экз.) были обнаружены на Верхнесалтовском основном катакомбном могильнике, исследуемом с перерывами уже почти столетие, всего один раз (катакомба № 15, раскопки 1984 г. экспедиции Харьковского исторического музея под руководством В.Г. Бородулина) [Ахсенов 1998, 4]. Исследования 1998 года экспедицией Харьковского исторического музея под руководством автора данной работы Верхнесалтовского IV катакомбного могильника принесли еще одну подобную находку (катакомба № 30). В обоих случаях крестовидные подвески были найдены в захоронениях детей. При этом костяки детей, как и костяки взрослых, погребенных в данных катакомбах, подверглись обряду обезвреживания погребенных [Ахсенов 1998, 3, рис. 1.1; Ахсенов 1999, 218, рис. 1.1]. Погребальный инвентарь обоих захоронений, где были обнаружены подвески в виде креста, указывает, что наиболее вероятным временем возникновения этих комплексов является первая половина IX в.

Все три подвески-амулета (рис. 1, 3—5) были изготовлены из оловянистой бронзы путем литья. Подвески размером 2,4х2,5 см имеют форму равноконечно-

го креста с петелькой для подвешивания на одном из концов. Середина креста оформлена в виде ромба, внутреннее поле которого покрыто несколькими полосками, расположенными перпендикулярно одна по отношению к другой и образующими своеобразный «сетчатый» или «шашечный» орнамент. Ромб, поле которого украшено «шашечным» орнаментом, специалистами трактуется как символ вспаханной нивы, подготовленной к посеву земли [Амброз 1965, 22]. Сами крестовидные подвески, благодаря оформлению концов в виде стилизованного трехлепесткового цветка на стебле, повторяют в плане начертание известного раннеземледельческого символа — так называемого «ромба с крючками» [Амброз 1965, рис. 1, 57 — 64]. Последний у многих народов мира был символом божества земли, дающего жизнь всему живому [Голан 1993, 107]. Нательные кресты со стилистически близко оформленными концами — в виде трех соприкасающихся дисков (кресты трехлопастноконечного типа) — неоднократно встречались на памятниках IX — XIII вв. Киевской Руси [Сегов 1982, 200, табл. XXVI, 30, 224, табл. I, 21, 22]. Оформление средокрестия подвесок орнаментом в виде перечеркнутого косым крестом ромба отмечено на нательном кресте из листового серебра (вторая половина X — начало XI в.) из погребения №124 с Киевского некрополя [Негошивина 1983, рис. 1, 1]. Средокрестие довольно часто имеет узор из ромба с вписанным внутри него крестом на крестовидных подвесках «скандинавского» типа, датируемых XI — XII вв. [Фехнер 1968, 210, рис. 1, 5].

Выявленные в Верхнесалтовском катакомбном могильнике крестовидные подвески можно считать вещами, которые при определенных обстоятельствах могли быть своеобразными символами христианской веры, хотя в них и просматривается некая двойственность мировоззрения. Как отмечают исследователи, осетины еще в XIX в., хотя и усвоили некоторые христианские обряды, отмечали не очень строго некоторые посты, все же неглубоко восприняли христианскую религию и держались древних языческих верований и обрядов. Особенно это сказалось в отношении погребальных и поминальных обрядов [Такоева 1957, 147; Калоев 1984, 78 — 89]. Языческий характер мировоззрения аланского населения бассейна Северского Донца довольно наглядно отражают черты погребального обряда: ориентация погребенных не зависит от ориентации катакомбы по сторонам света, наличие жертвенной пищи, положение погребенных, в частности, женщин, в скорченном положении на левом или правом боку, положение рук погребенных мужчин — вытянуты вдоль [Плетнева 1989, рис. 94, 96; Флеров 1993, 21, 25; Афанасьев 1993, 84, 92]. Однако специфической чертой погребального обряда Верхнесалтовского, Старосалтовского, Рубежанского и Ютановского катакомбных могильников является положение всех умерших (и мужчин, и женщин) в вытянутом положении на спине [Афанасьев 1993, 92; Аксенов 1999а, 137].

Все вышесказанное позволяет, с определенной долей вероятности, считать данные подвески элементами христианского культа, т.е. видеть в них нательные кресты. Этому, как нам представляется, не противоречит размещение подвесок в погребении — под черепом погребенной вместе с сережками, а также их количество при покойной — две (катакомба №15). Нательные кресты неоднократно были найдены у головы погребенного в христианских захоронениях XII — XIII вв. с территории Подмосковья [Беленькая 1976, 95], в древнерусских захоронениях

XI – XIII вв. [Мальм 1968, 116]) О наличии в могилах нескольких христианских символов, размещенных в ожерельях, мы говорили выше. Вероятно, что в данных привесках-амулетах мы имеем дело с переплетением языческих и христианских мотивов, так как аланы уже с IV – VI вв. были знакомы с христианством, то есть еще до их переселения в бассейн Северского Донца. Аналогии такому взаимопроникновению языческих и христианских мотивов в IX – X вв. можно видеть в западноевропейских и славянских древностях [Бланков 1973, 203 – 204]. А на то, что язычество достаточно длительное время противостояло проникновению христианства в аланское общество, указывает тот факт, что даже в XI в. христианизация алан Северного Кавказа была слабой [Куссаева 1961, 59]. Так, в катакомбном Змейском могильнике XI – XII вв. нательные кресты были найдены лишь в некоторых отдельных погребениях, да и те связываются исследователями с влиянием Киевской Руси [Кузнецов 1961, 134]. В достоверно христианских захоронениях алан XII – XIV вв. на погосте около храма на городище Верхний Джулат нательные кресты не были выявлены вообще [Милорадович 1963, 106]. Аналогичная ситуация наблюдается в христианских захоронениях IX – XIII вв. с территории Среднего Поднепровья, что объясняется вероятностью изготовления нательных крестов из нестойких материалов (дерево, кожа, воск) или передачей их по наследству [Моця 1987, 72]. С христианизацией Киевской Руси отмечается тенденция к увеличению предметов с христианской символикой.

Таким образом, несмотря на распространение христианского учения в среде салтовского населения бассейна Северского Донца, и у алан, и у праболгар прочно удерживалось значение креста как солнечного символа (солярные амулеты, клейма на дне гончарных сосудов). Он считался заместителем небесного огня. Крест являлся сложным символом, изображающим и само солнце, и его движение в пространстве. Крест и крестовидность в языческом мировоззрении соотносились с идеей вечного, бессмертного, всестороннего, чистого, солнечного божественного и мужского жизненных начал [Мильков 1987, 246]. Знакомство с христианским вероучением происходило, вероятно, при непосредственном контакте с его носителями, которыми в нашем случае могли быть подданные Византийской империи — жители Крымского полуострова. Об этом свидетельствуют достаточно большой процент крымской керамики в захоронениях могильника Червоная Гусаровка и предположение некоторых исследователей, что строительство белокаменной Верхнесалтовской крепости осуществлялось с помощью византийских мастеров [Афанасьев 1993, 148].

Таковы факты распространения христианского учения в среде смешанного населения северо-западной окраины Хазарского каганата во второй половине VIII — первой половине IX вв.

Литература

Аксенов В.С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // *Finno-Ugrica*. 1998. № 1 (2).

- Аксенов В.С. Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника в 1997 г. // Древности 1997—1998. Харьков, 1999.
- Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua. 1999. № 2.
- Аксенов В.С., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. з. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // СА. 1965. № 2.
- Анучин Д.Н. О христианских крестах и образках в могилах средней и западной России // Труды X Археологического съезда в Риге. Т. III. М., 1900.
- Артамонов М.И. История хазар. М.—Л., 1962.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М., 1993.
- Беленькая Д.А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. № 4.
- Бланков Ж. О двоеверии и амулетах-змеевиках // Византия, Южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа / Искусство и культура. М., 1973.
- Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870.
- Голан А. Миф и символ. М., 1993.
- Захотер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
- Ибн-Хаукаль. Книга путей и стран // СМОМПК, Вып. XXXVIII, Тифлис, 1908.
- Каганкатвацци М. История агван. СПб., 1861.
- Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М., 1984.
- Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Копыл А.Г., Татаринцов С.И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. 1979. №1.
- Кравченко Э.Б., Гусев О.А., Давыденко В.В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим данным) // Археологический альманах. №7. Донецк, 1998.
- Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1. Орджоникидзе, 1961.
- Куссаева С.С. Аланский катакомбный могильник XI—XII вв. у станции Змейской по раскопкам 1957 г. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1. Орджоникидзе, 1961.
- Кучкин В.А. Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд // СА. 1967. № 1.
- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Майко В.В., Фарбей О.М. Христианизация тюрко-болгар Криму в світлі археологічних джерел (на прикладі поховального обряду) // Археологія. 1995. № 4.
- Мальм В.А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие болгарские племена в Причерноморье // Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958.
- Милорагович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114.
- Мильков В.В. Комментарии к иллюстрациям // Введение христианства на Руси. М., 1987.
- Михеев В.К. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червоная Гусаровка // Древности 1994. Харьков, 1994.

Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987.

Негошивина Н.Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. № 4.

Никитшина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры // М., 1985.

Никитшина Г.Ф. Типология труположений в погребальном обряде черняховской культуры // РА. 1993. № 4.

Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М. — Иерусалим, 1999.

Сегов В.В. Славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Такоева Н.Ф. Погребальные и поминальные обряды осетин в XIX веке // СЭ. 1957. № 1.

Фехнер М.В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М. 1968.

Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата // Материалы проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. Вып. I. Волгоград, 1993.

